

Проф. К. М. Колобова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДОВ В БОСПОРСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Проблема политического положения городов неотделима от изучения экономической основы существования самих городов на разных этапах развития греко-римского рабовладельческого общества. Ибо, как указывал Маркс, рабовладельческое хозяйство «...тоже проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок»¹.

Несомненно, роль и функции городов рабовладельческого общества изменялись в разные периоды их экономического развития. В период экономического расцвета рабовладельческих полисов мелкие земледельцы и ремесленники, владевшие орудиями и средствами производства в размере, достаточном для их собственного воспроизводства, составляли демократическую основу полиса. Они же представляли и основную военную силу полиса, которую можно рассматривать, как использование «прибавочного времени» мелких производителей со стороны рабовладельческой верхушки полиса на нужды войны. Эти же мелкие производители составляли и основу данной народности в полисе. В городах эллинистического периода их экономическую основу составляло не только ремесло и торговля, но и землевладение, основанное на эксплуатации чужого труда. Класс свободных производителей, живущих личным трудом в ремесле и земледелии, все более разоряется; города все более превращаются в классовое объединение верхушки эксплуататоров, живущей за счет чужого труда. Экономически мелкий свободный земледelec не может конкурировать с землевладельцем, получающим огромные нетрудовые доходы со своих земельных владений, так же как и мелкий ремесленник не может конкурировать с владельцем рабской мастерской, работающей на рынок.

Возникновение товарного производства явилось важным фактором в дальнейшем развитии рабства, разделении труда и росте частной собственности на землю, на орудия и средства производства и на работника производства — раба. Рост массы прибавочного продукта с земли достигался как за счет захвата территорий городской бедноты, так и путем экстенсивного развития рабовладения, путем захвата новых земель у свободного

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, 2, стр. 366.

населения племен, путем осуществления новых насилий над населением этих захваченных земель. Самая система крупного землевладения, таким образом, и в этот период покоилась на распыленном мелком земледелии основных производителей путем принуждения их к прибавочному труду.

Таким образом, оставаясь центрами рабовладения, товарного производства и посреднической торговли, города теперь становятся и центрами крупного землевладения, основанного на эксплуатации непосредственных производителей. Экономической формой, в которой землевладельцы преимущественно осуществляли свое право частной собственности на захваченные ими земли, было присвоение земельной ренты в форме ренты натурой. При этом вполне возможно, что во многих случаях земельная собственность была здесь следствием собственности землевладельцев на личность непосредственных производителей, что имело место, как указывал Маркс, как при системе рабовладения, так и при крепостничестве¹.

В этот период противоположность между городом и деревней находит, пожалуй, свое полное выражение в рамках данной формации.

Несомненно, что и в рабовладельческих государствах эллинистического периода экономической основой существовавшей тогда противоположности между городом (*πόλις*) и деревней (*χώρα*) была эксплуатация деревни городом в форме экономического господства города над деревней в результате дальнейшего разделения труда, в основу которого, как указывал Энгельс, «...должно было лечь великое разделение труда между массами, поглощенными простой физической работой, и немногими привилегированными, управлявшими трудом, занимавшимися торговлей, государственными делами, а позже искусствами и науками»². Экономическое господство города над деревней в период эллинизма сопровождается выжиманием все большего прибавочного труда из земледельческого населения, большей частью объединенного в общины, хищническим расходом как природных условий земледелия, так и производителей, рассматривавшихся лишь как «*σώματα*» даже на землях, еще только предназначенных к захвату (ср. в высшей степени характерное свидетельство Плутарха: *Eumen.*, 8). На этой основе сами земледельцы превращались из субъекта права в объект права, в рабочий скот. Здесь, как указывал Маркс, «...одна часть общества обращается с другой его частью просто как с *неорганическим и естественным* условием своего собственного воспроизводства»³. Следовательно, экономическое господство города над деревней обеспечивало дальнейшее развитие и укрепление рабовладельческих отношений.

Прибавочный труд земледельцев Боспора, судя по огромным по тому времени масштабам хлебной торговли, был очень значительным. Земледельцы Боспорского государства производили не только хлеб, необходимый как для их собственного потребления, так и для воспроизводства городского населения, но кормили своими продуктами целые государства (достаточно вспомнить, что половину всего ввозимого в Афины хлеба афиняне получали с Боспора и притом только с «его (Левкона) владений»). Характерным является то, что в период эллинизма восстания рабов и непосредственных производителей-земледельцев всегда сопровождалось хотя бы частичным разрушением городов. В этом отношении знаменателен и факт, установленный проф. В. Д. Блаватским, что восстание скифских рабов под руководством Савмака на Боспоре, было связано с разрушениями и пожарами в Пантикапее.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, 2, стр. 185.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. т. XIV, стр. 184.

³ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 20.

Расширение товарного производства в городах отмечено в этот период не только работой многочисленных рабских мастерских — черепичных, керамических, металлургических и т. д., но и наличием организованной переработки в целях обмена продуктов пищевой промышленности (виноделен, рыбозасолочных ванн).

По мере того, как интересы торговли продуктами собственно Боспорского государства начинают преобладать у определенной группы крупных рабовладельцев и землевладельцев, эксплуатация непосредственных производителей становится более суровой. Восстание рабов и скифов под руководством Савмака должно было охватить почти весь Боспор, поскольку понадобился третий поход Диофанта во главе новой понтийской армии для подавления восставших.

Рост противоположности города и деревни и жестокая классовая борьба создавали экономическую и политическую заинтересованность рабовладельцев городов в союзе с царской властью. Экономически и рабовладельцы городов и правители Боспора были заинтересованы в одном и том же: обеспечить за собой присвоение продуктов чужого труда и чужой рабочей силы. Эту цель и должна была обеспечить система организованного насилия: армия царя и ополчения городов, выполнявших полицейские функции на землях городов. Система насилия в рабовладельческом обществе являлась естественным результатом способа производства, основанного на натуральном присвоении рабочей силы.

Политическая организация городов и была тем элементом надстройки, который активно содействовал укреплению экономического господства городов в системе единого рабовладельческого государства. Единство классовых интересов создавало экономическую и политическую общность между отдельными городами в пределах Боспорского государства; однако это не исключало наличия как торгового, так и политического соперничества между городами; каждый город в этот период борется не за общую, но за собственную *πάτριος πολιτεία* со всеми вытекающими из нее экономическими и политическими привилегиями.

Развитие государственных монополий, стесняя интересы частных собственников как товаровладельцев, вызывало иногда серьезные противоречия между отдельными группами рабовладельцев городов и правительственной верхушкой. Часто эти противоречия выступали в стремлении к ущемлению политических (а следовательно, и экономических) привилегий отдельных городов и в оппозиции городов боспорским правителям. Однако она очень редко принимала формы единого фронта городов против правителей Боспора. Судя по нашим источникам, это произошло только однажды, когда Митридат Евпатор стал действовать вопреки насущным экономическим интересам всех основных городов Боспора.

Именно в силу вышеизложенных положений нам представляется очень важным детальное исследование как экономического базиса Боспорского государства, так и его политической надстройки, выполнявшей важные служебные функции по укреплению своего базиса. В этом смысле политическая надстройка каждого общества, государство, являемая, по выражению Энгельса, в конечном счете только исполнителем «...экономической необходимости, вытекающей из положения страны»¹.

В нашей отечественной литературе государственный строй Боспора неоднократно привлекал внимание исследователей, но все же эту проблему нельзя считать достаточно изученной. Акад. С. А. Жебелев в своих

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 67.

исследованиях уже пришел к важным выводам, непосредственно относящимся к политическому строю Боспорского государства. Он полагал, что Боспорское государство представляло собой уже не полис, а большую «колониальную» державу, социально-экономическая основа которой, оставаясь рабовладельческой, все же в известной степени отличалась от социально-экономической основы полисного строя¹.

С. А. Жебелев (там же, стр. 595—596) отмечал, что греческое население городов Боспора, кроме основной ремесленной и торговой деятельности, занималось и земледелием на участках, расположенных в городах или по соседству с ними, но, говоря далее о преобладании на Боспоре крупного землевладения рабовладельческого типа, подчеркивал, что «...для образования мелкой земельной собственности, свободного крестьянства, на Боспоре не было необходимых предпосылок» (там же); основные земельные владения племен, царями которых называли себя Спартокиды, находились в их владении, составляя «царскую землю» (*χωρα βασιλικη*). Замечая далее, что на Боспоре не было «монополии хлебного экспорта в собственном смысле», С. А. Жебелев (там же, стр. 606) указывал, однако, на возможность существования «монополюльной тенденции».

В другой работе С. А. Жебелев пришел к выводу о неограниченной монархической власти Спартокидов, несмотря на то, что они сохраняли в отношении греческого и туземного населения Боспора титул архонта и называли себя царями только подвластных им местных племен².

Этот последний вопрос о двойном обозначении Спартокидов, как архонтов над Боспором и Феодосией и царствующих над рядом племен, неоднократно рассматривался и другими исследователями.

Так, В. В. Григорьев считал, что наименование архонта сохранялось боспорскими правителями в угоду «республиканскому тщеславию городов», «гонявшихся за словом, а не за делом»³, а В. В. Латышев — что Спартокиды «сохранили имя и, так сказать, призрак или тень» былой греческой вольности и, «избегая ненависти, не принимали царского титула» по отношению к греческим городам⁴.

В. Ф. Гайдукевич высказывает предположение, что демократическая основа государственного строя была утрачена уже со времени прихода к власти Археанактидов «и правители лишь по традиции продолжали именовать себя архонтами», являясь единоличными неограниченными правителями. Спартокиды продолжали удерживать за собой звание архонтов греческих городов «по тактическим соображениям»..., подчеркивая этим, что они являются всего лишь «слугами народа». Чекан монеты от имени общины пантикапейцев также был «данью определенным традициям»⁵.

Однако существует и другая точка зрения. Так, еще А. В. Орешников полагал, что двойственность титулов правителей Боспора объясняется наличием в Боспорском царстве двойственности народов, вхождением в него как греков, так и «варваров». Принятие титула архонта по отноше-

¹ С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН СССР, ООН, 1934, № 8, стр. 589—590.

² С. А. Жебелев, Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104 (1934), стр. 20—21; ср. стр. 19—20 (о «царской земле» на Боспоре).

³ В. В. Григорьев, Цари Боспора Киммерийского преимущественно по современным им памятникам и монетам, СПб., 1851, стр. 35—37.

⁴ В. В. Латышев, ПОНТИКА, СПб., 1909, стр. 84—85. В. В. Латышев указывает на замечание Бека, что помещение титула архонта на первом месте как бы показывает, что «архонты Боспора приобрели себе царскую власть над варварами, а не варварские цари управляют греками».

⁵ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 62—63.

нию к греческим городам, по его мнению, свидетельствовало о демократическом управлении в городах и о первенстве городов над «варварами»¹. К этой точке зрения примыкает и Д. П. Каллистов, считающий, что «двойственность политической терминологии безусловно отражает, с одной стороны, сохранение — хотя бы и в урезанном виде — полисного самоуправления и, с другой стороны, — сохранение племенной автономии»². Д. П. Каллистов ищет аналогии объединению боспорских городов в симмахии греческого типа.

Прочие точки зрения, существующие в литературе вопроса, являются по существу вариантами этих двух основных мнений³.

Факт двойного наименования правителей Боспора не представляет чего-либо исключительного. Так, например, Филипп Македонский, после подчинения Фессалии, принял по отношению к фессалийским городам, оставаясь, разумеется, царем Македонии, титул архонта⁴, а после возникновения Коринфского союза — по отношению к греческим городам — титул стратега-автократора. Позже этот же титул принял и Александр⁵. И в том и в другом случае это было прямым нарушением традиции. Заключение Коринфского союза и «договора о всеобщем мире» с передачей верховной военной власти Филиппу были, по существу, выражением союза крупных рабовладельцев (землевладельцев, купцов и владельцев рабских мастерских, работавших на вывоз) городов Эллады с македонской военной монархией. Филипп был заинтересован в поддержке его власти и его завоевательных планов крупными рабовладельцами греческих городов, а последние, в свою очередь, были заинтересованы и в применении Филиппом военной силы для подавления эксплуатируемых внутри страны, и в завоевательной политике Филиппа, сулившей им дальнейшее обогащение за счет завоеванных земель⁶.

Следует подчеркнуть, что Филипп стал архонтом Фессалии, уже будучи царем Македонии, а Спартокиды — царями племен, уже являясь архонтами Боспора.

Некоторую аналогию дает и более поздняя (I в. до н. э.) надгробная надпись галатского царя Дейотара, в которой он назван царем и одновре-

¹ А. В. Орешников, Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам, «Труды VI археол. съезда», Одесса, 1888, стр. 88—89. А. В. Орешников справедливо критикует мнение П. О. Бурачкова, который считал, что европейские города Боспора лишь позднее обратились за покровительством к царям азиатской части и поэтому дали царям почетный титул архонта (см. П. О. Бурачков, Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим на северном берегу Черного моря, Одесса, 1884, стр. 211).

² Д. П. Каллистов, Очерки по истории Сев. Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 168 сл., 132 сл., 232—233.

³ Так, например, М. И. Артамонов видит в двойственном обозначении Спартокидов свидетельство о переходном периоде в истории сложения Боспорского царства, длившемся, по его мнению, до III в. до н. э. Титул архонта при этом прикрывал фактически монархическую власть, а по отношению к племенам соблюдался принцип федерации племен. Однако к III в. до н. э. исчезло даже номинальное различие между архонтом и царем, так как отпала надобность различать подданных по этническому признаку. «Процесс сложения Боспорского царства закончился; боспорские правители сделались неограниченными монархами» (М. И. Артамонов, К вопросу о происхождении Спартокидов, ВДИ, 1949, № 1, стр. 36—37). А. Ашик датирует начало монархической власти на Боспоре временем Асандра, который у Лукиана еще назван этнархом, а на монетах выступает под именем архонта (А. Ашик, Боспорское царство с его палеографическими надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами, Одесса, 1848, т. 1, стр. 70—71).

⁴ Diod., XVII, 4, 1; Just., XI, 3, 2.

⁵ Diod., XV, 89; Ar., Anab., VII, 9, 5.

⁶ Ср. крайне интересное в этом отношении обращение Исократ к Филиппу: «Считая, что только тогда твоя слава станет непревзойденной и достойной совершенного тобой, когда ты принудишь варваров стать илотами у греков (εἰλωτῆσαι τοὺς Ἕλλησι), кроме тех, которые станут сражаться вместе с тобой» (Isocr., Ep. 3, 5).

менно тетрархом галатских племен толлстобогиев и трокмов¹. Как уже отмечалось в литературе, Дейотар принял царский титул, утвержденный римлянами, только после присоединения к его владениям некоторых понтийских территорий².

Вполне вероятно, что объединение боспорских городов преследовало не только экономические и стратегические цели³, но и завоевательные, как это следует из дальнейшей политики Спартокидов. К сожалению, обстоятельства объединения городов при Археанактидах остаются нам неизвестными, так же как и политика Археанактидов в период их правления.

Центром объединения, вероятно, и при Археанактидах был Пантикапей; при Спартокидах это засвидетельствовано и эпиграфическим памятником в честь Левкона, где имя Левкона I дано в сопровождении демотикона «Пантикапеец» (IOSPE, II, 4).

В титуле Спартокидов «архонт Боспора и Феодосии»⁴ понятие «архонт Феодосии» скорее всего восходит к традиционному титулу верховного магистрата феодосийского полиса⁵. Труднее объяснить возникновение титула «архонт Боспора». Здесь возможны два предположения. Поскольку Пантикапей называется как у древних авторов, так и в эпиграфических памятниках «Боспором», может быть, следует понимать этот титул Спартокидов, как «архонт Пантикапея»? Однако в работах советских ученых это предположение давно уже отвергнуто⁶ и правильным признано другое понимание: «архонт Боспора» означает: архонт боспорских городов, в том числе, конечно, и Пантикапея. В пользу последнего предположения свидетельствует также существование, наряду с демотиконом «пантикапеец», также и демотикона «боспорец», который вне пределов Боспорского царства мог обозначать и гражданина любого греческого города, входившего в состав Боспорского царства. Этот факт лишний раз подтверждает правильность второго понимания, а именно, что ко времени прихода к власти династии Спартокидов боспорские города были уже объединены в единое государство. Пантикапей, во всяком случае уже при Спартокидах, получил, как столица Боспорского царства, и свое второе наименование «Боспор». Таким образом, во времена Спартокидов название города как гражданской общины, пользовавшейся свободой и автономией (в эллинистическом понимании этих терминов), было Пантикапей, а как столицы Боспорского государства и резиденции правителей государства Спартокидов — Боспор.

Города и при Спартокидах, как, несомненно, и при Археанактидах, сохраняют и гражданскую общину, и полисное самоуправление. Пантикапей обозначается как полис во всех дошедших до нас источниках. У Стефана Византийского (s. v. Παντικαπαιον) сообщается и гражданский демотикон пантикапейцев: Παντικαπαιεύς и Παντικαπιιάτης. В делосском проксеническом декрете III в. до н. э. сообщены имена двух пантикапейцев: Керан

¹ Rev. Arch., VI ser., т. VI (1935), стр. 140 сл.

² F. St a e h e l i n, Geschichte d. kleinasiatischen Galater², Lpz, 1907, стр. 92, прим. 6; ср. S t r a b o, XII, 3, 13.

³ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 12.

⁴ Например, IOSPE, II, 6—8, 10—12, 15, 19, 343—347; IV, 418—419 (ср. ИАК, 63, 109, 1 и С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 18, прим. 1). Выражение ἀρχων καὶ βασιλεύς без обозначения городов и племен: IOSPE, II, 348—350; просто ἀρχων: IOSPE, II, 9, 13, 318.

⁵ См. С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства, стр. 820, где высказывается предположение о существовании архонта в автономной Феодосии.

⁶ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 12, прим. 1 (против толкования Брандиса). Вероятнее всего, что объединение Боспора произошло уже при Археанактидах, которые, однако, как с этим согласны все исследователи, именовались «архонтами», возможно, потому, что в их распоряжении не было земель, лично ими завоеванных.

пантикапеец и второй гражданин Пантикапея, имя которого полностью не восстанавливается (МИС, № 14); в другом проксеническом списке из Дельфов начала II в. до н. э. под 195/4 г. назван Апатурий, сын Никона, пантикапеец (там же). В дошедшей до нас боспорской надписи III в. н. э. в честь боспорского царя Тиберия Юлия Савромата посвятельную надпись ставит некий сын Диофанта, Пантикапеец¹. Эта поздняя надпись, поставленная пантикапейцем в Фанагории, свидетельствует, во-первых, что еще в III в. н. э. продолжала существовать община пантикапейцев, и, во-вторых, что указание демотикона было довольно обычно, если гражданин, в данном случае гражданин Пантикапея, находился, действовал или был похоронен хотя и в пределах царства, но не на территории родного города. Надписи времени правления Спартокидов также подтверждают это. Так, например, гражданин Феодосий, умерший в IV в. до н. э. и похороненный в Пантикапее, сохраняет демотикон родного города: Φιλόξενος Σπαρτώναντος Θεοδοσιεύς (IOSPE, IV, 400). Гражданин города Кеп, умерший также в первой половине IV в. до н. э., в надгробной надписи обозначен как Кепит: Θεόποριος Αἰαντιδέω Κηπίτης². В одной боспорской надписи, ныне утерянной, был назван Сосипатр Нимфеец³. Граждане Нимфея упоминаются также в одной делосской надписи, датируемой примерно 100 г. до н. э.⁴ В надгробной надписи римского времени некий Полимократ, сын Калуна, обозначен как гермонасец (IOSPE, IV, 334). Демотикон Фанагории мы встречаем лишь у Аппиана в рассказе о борьбе фанагорийцев с Митридатом Евпатором, когда инициатором восстания стал Кастор Фанагориец (Κάστωρ Φαναγορεύς — Mithr., 7, 108)⁵.

Однако одновременно с сохранением этих полисных обозначений за пределами Боспорского царства встречается и государственный демотикон — «Боспорец»⁶, совершенно так же, как и в Родосской республике, где за пределами государства общеупотребительным был государственный демотикон — «Родосец» (Ῥόδιος), а внутри родосской республики для граждан государства употреблялись демотиконы отдельных родосских граждан⁷. Страбон (XI, 2, 10) сообщает, что все подвластные боспор-

¹ IOSPE, II, 358: Παντικαπαίτης; позже исправлено В. В. Латышевым: Παντικαπαε[ύς].

² ИАК, вып. 23, стр. 42—43, № 26.

³ IOSPE, II, 201: Ζ(ω)σίπατρος Νυμφαί[ι]της.

⁴ SiG³, 1126: Νυμφαίτης; два нимфейских гражданина, повидимому, купцы или судовладельцы.

⁵ В китайской надписи интересно выражение: «патрида китейцев» (ή πατρίς Κοιτετῶν). В. В. Латышев пытался отождествить термин «патрида» с родосским родовым подразделением «патрой» (ИРАИМК, II, стр. 84—92). Однако с этим трудно согласиться. Объяснение значения термина «патрида» дано у Стефана Византийского (с. v.): πατρίς, ή πατρίθεν πόλις. Под «патридой китейцев», может быть, следует понимать тех граждан «родного города» (точнее: города отцов), которые вели свое происхождение от «отцов», т. е. основателей города; тогда представители этой патриды могли бы составлять в городе его старшее поколение в отличие от позже принятых в состав китейской общины; примеров колоний, в которых граждане делились на «старших» (πρεσβύτεροι) и «младших» (νεώτεροι), очень много.

⁶ Ср. IOSPE, I, 202—204; МИС, № 11: [Π]ύλλος Χρυσολάου Βοσπορίτης; № 12: Νίχιος Ἡρακλείδου Βοσπορίτης; ср. также имена наемников в эллинистическом Египте: Μολλ[α]γαί[ρ]ας Βοσπορίτης и Φιλώνυχος Βοσπορίτης (SB, 6831, стк. 6 и 9; цитирую по М. Л а ч н е у, Recherches sur les armées hellénistiques, P., 1950, стр. 1205).

⁷ Остается неясным употребление городских демотиконов за пределами Боспора; следует ли думать о праве городов и вне Боспора, во всяком случае в некоторые периоды, выступать от имени своей городской общины; или, может быть, мы встречаем здесь имена людей, уже порвавших связь с Боспором и продолжавших называться именем города, а не государства? Первое предположение мне кажется более правдоподобным, но вопрос этот требует специального исследования на основе широкого сравнительного материала надписей других городов.

ским правителям, называются боспорцами, и нет нужды, как это делает проф. М. И. Артамонов, видеть в них «новую этническую группу полу скифов, полугреков, боспоранцев» (ВДИ, 1949, № 1, стр. 32).

Среди боспорцев, похороненных в Ольвии (IOSPE, I, 202—204), встречается Ахемен, сын Ахемена (Тита Флавия), повидимому, представитель знатного рода Ахеменов¹, упоминание о котором мы находим в одной боспорской надписи. Другая, ольвийская надпись, тоже римского времени (I в. н. э.), является надгробным памятником Адосфу, сыну Арсака, сородичу², который был поставлен Зеноном, сыном Стратоника, Боспорцем. Известна также надгробная стела Стратоника, сына Зенона, из Пантикапея³. Повидимому, боспорец Зенон, сын Стратоника, является родственником, может быть, даже отцом Стратоника, сына Зенона, пантикапейца⁴. Эти две надписи особенно интересны тем, что несомненный пантикапейец в Ольвии именуется себя боспорцем. Если принять конъектуру В. В. Латышева, то и в третьей ольвийской надписи мы имеем дело тоже с боспорцами, сохранившими, наряду с греко-римскими именами, и свои местные имена: Марк Ульпий Парфенокл, он же Мастун (?), Боспорец, памятник которому поставил Дад, сын Сосибия, он же Адосф.

Таким образом, разновременные эпиграфические данные (с IV в. до н. э. вплоть до времени Римской империи) свидетельствуют о том, что, начиная с образования Боспорского царства, наряду с сохранением полисного обозначения, употреблялось и государственное — «боспорец» — для человека, находившегося за пределами своего государства.

Боспорские города, упоминавшиеся выше, сохранили внутреннее самоуправление и своих магистратов. В ольвийском декрете II—III в. н. э. среди других городов, увенчавших венками ольвийского государственного деятеля Феокла, сына Сатира, назван и Боспор (т. е. Пантикапей) (IOSPE, I, 40). На основании этого декрета можно заключить, что: 1) пантикапейцы по личной инициативе вынесли решение об увенчании Феокла золотым венком от имени города; 2) следовательно, принятие этого решения могло произойти только на народном собрании по предложению совета и магистратов города; 3) расходы на посольство и золотой венок могли быть произведены только из городских средств⁵. Более ранняя надпись I в. н. э., поставленная Хариксену, сыну Хариксена, похороненному в Пантикапее, но умершему вдали от гражданской общины и границ царства (ἐκ βασι[λείας] καὶ δόμου)⁶, свидетельствует о наличии в Панти-

¹ IOSPE, I, 202; Ἀχαμένης Ἀχαμένους; ср. IOSPE, IV, 230: τῶν Ἀχαμένους. В. В. Латышев сравнивает этот способ родового обозначения с русскими формами: Сухих, Долгих и т. д.

² IOSPE, I, 204. Именно так следует скорее всего понимать слово ὁμόνυμος, употребленное в надписи. В. В. Латышев условно переводит его «земляк».

³ В. В. Шкорпил, Боспорские надписи, найденные в 1913 г., ИАК, вып. 54, № 5, стр. 71 сл.

⁴ Это предположение высказал впервые В. В. Шкорпил, там же; с ним согласен В. В. Латышев (в см. комментарий к надписи IOSPE, I, 204).

⁵ Предполагать, что граждане Пантикапея отметили Феокла этими почестями только с разрешения царя, в данном случае едва ли возможно, так как непосредственное участие правителя Боспора в чествовании Феокла было бы обязательно отмечено особо в почетном постановлении ольвийцев.

⁶ ВДИ, 1950, № 4, стр. 73. Ср. специальный комментарий к этой надписи: А. И. Болтунова, К надписи Хариксена, сына Хариксена, там же, стр. 73—75. Признавая в Пантикапее наличие народного собрания и городских магистратов, А. И. Болтунова, однако, утверждает, что «ни народное собрание, ни городские магистраты в политической жизни никакого значения не имели». Правильнее было бы сказать, что они имели значение, но другое, чем в автономных полисах классического периода.

капее самоуправления и народного собрания. Надо полагать, что акад. Стефани в свое время правильно считал, что конец постановления совета и народа в честь покойного Феофила, сына Онесима, за его угрожде- ние городу (εις τὴν πόλιν ἀρεσκείας — IOSPE, II, 5) является выпиской из решений пантикапейского совета и народа¹. Позже ученые, смущенные отсутствием памятников полисных постановлений Пантикапея, были склонны отрицать принадлежность этого постановления пантикапейцам. Однако в настоящее время, когда наличие гражданской общины пантикапейцев удостоверено надписью в память Хариксена, повидимому, нет оснований для такого отрицания. Тот факт, что совет и народ на надгробной плите даны без обозначения города, свидетельствует как раз о том, что решение было принято пантикапейцами на народном собрании и поэтому было хорошо известно всем гражданам Пантикапея, к числу которых принадлежал и сам Феофил. В противном случае совет и народ были бы обязательно обозначены именем того города, который почтил Феофила. К тому же о народном собрании пантикапейцев свидетельствует текст Диодора (XX, 24), относящийся к событиям борьбы Евмела с братьями.

Интересна и плохо сохранившаяся надпись I в. н. э. в честь боспорского царя Тиберия Юлия Рес[купорида], которого чествует народ Горгиипии, как своего «личного благодетеля» (τὸν ἴδιον εὐεργέτην)². Об эвергесии сына Рескупорида, Савромата I, к полису горгийпийцев говорится в недавно опубликованной надписи, в которой идет речь о восстановлении стен города, и, повидимому, о расширении его территории³.

К послемитридатовскому времени относится отрывок письма царя Полемона к Херсонесу⁴; к сожалению, сохранились лишь первые строки обращения: «Царь Полемон, благочестивый, спаситель, приветствует совет и народ херсонеситов...». Несомненно, что на это письмо, содержавшее какое-то требование к Херсонесу, совет и народ херсонесцев должны были ответить постановлением, до нас не дошедшим. Может быть, надпись, упоминающая о какой-то военной помощи или об отряде, посланном херсонеситами по требованию Полемона, связана именно с этим обращением Полемона к городу (IOSPE, I, 704). Уже эта форма обращения к городу, входившему тогда в состав Боспорского царства, сама по себе является ценным свидетельством. Для всех эллинистических государств, как позже и для Римской империи, характерно обращение царей (или императоров) к городам с письмами, выражающими, обычно в форме пожелания или совета, то или иное требование. Самая форма письма к городу, появившаяся в обиходе со времен Александра Македонского, подчеркивала привилегированное положение городов. Обычно эти письма царей вызывали ответное постановление народного собрания и совета, в котором пожелание

¹ Эта надпись нанесена на мраморной плите, некогда составлявшей часть ионийского фриза. Под анаглифом надгробная надпись с именем Феофила и его матери Феодоры. Ниже, более мелким шрифтом, нанесена выписка из постановления. В. В. Латышев предполагал, что она была нанесена позднее родственниками Феофила. Предполагать, что надписи на камне не связаны между собой, кажется, нет оснований, так как мы имеем не обломок постановления, а выписку из него, несомненно относящуюся к вышеназванному Феофилу.

² В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические надписи из южной России, ИАК, вып. 37, № 7, стр. 71—73.

³ Т. В. Б л а в а т с к а я, Строительная надпись из Горгиипии, ВДИ, 1951, № 2, стр. 117—119.

⁴ В. В. Л а т ы ш е в, однако, указывал, что при данном состоянии источников трудно определить, относится это письмо к Полемону I или II.

царя оформлялось в псефизму или закон, смотря по характеру требования. Письмо царя Полемона к Херсонесу показывает, что эта форма обращения была свойственна и правителям Боспора. Поскольку эта форма обращения царей всегда связана с предоставлением городу самоуправления и элевтерии, нам кажется возможным предположить ту же форму и для самоуправляющихся городов Боспора. Однако до находок новых эпиграфических свидетельств решить это окончательно не представляется возможным, поскольку Херсонес, в зависимости которого от Боспора правители последнего были, несомненно, заинтересованы, мог сохранить особое положение.

В свое время акад. С. А. Жебелев уже поставил вопрос о земельных владениях самих городов. Указывая, что «с понятием греческого гражданства было связано обладание не только политическими, но и имущественными правами (*γῆς καὶ οἰκίας ἐγκτήσις*), С. А. Жебелев предполагал, что города на Боспоре имели свои земли, находившиеся во владении граждан¹.

В период объединения Боспора города владели прилегающими к ним территориями, в то время как у правителей Боспора — Археанактидов и Спартокидов (до Левкона I) еще не было в распоряжении лично ими завоеванной земли. Именно в это время правители Боспора и могли именоваться гражданами Пантикапея и архонтами боспорских городов. Позже, когда в результате агрессивной завоевательной политики Спартокидов, начатой еще Сатиром I, территория Боспора стала расширяться за счет новых завоеваний, архонты Боспора могли принять одновременно и титул «царствующих» над племенами. После завоевания ряда племен в руках Спартокидов оказалась такая сила, над которой города не были властны; кроме того, и военные силы Боспорского государства были подчинены непосредственно боспорским правителям. Сопричастность городов к эксплуатации завоеванного населения и новых земель могла отныне иметь место только с ведома Спартокидов и как их личная «евергесия» к гражданскому населению греческих городов.

Повидимому, и после усиления экономической и политической власти Спартокидов за городами (во всяком случае, за некоторыми из них) были сохранены их первоначальные земельные владения. Так, Страбон (XI, 2, 8) при описании азиатской части Боспора упоминает селение (*κωμίον*), Акру, расположенное на пантикапейской земле (*Παντικαταίων γῆ*). С этим свидетельством Страбона интересно сопоставить его же рассказ о Феодосии, которая до ее завоевания была расположена на границе боспорской и таврской земли (*τῶν Βοσποριανῶν καὶ Ταύρων γῆς* — Strabo, VII 4, 4). Следовательно, у Страбона мы встречаем два определения боспорских земель: *ἡ Παντικαταίων γῆ* и *ἡ Βοσποριανῶν γῆ*². Вполне вероятно, что

¹ С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, стр. 595—596. В. Д. Блаватский в своей интересной статье «Краткий очерк античного земледелия в Северном Причерноморье» (МИЗ СССР, сб. 1, 1952, стр. 164) указывает, что в VI—V вв. до н. э. на Боспоре преобладали мелкие производители, ремесленники и крестьяне; в IV в. крупное землевладение становится преобладающим, хотя мелкое землевладение продолжает существовать.

² При точности терминологии Страбона вряд ли возможно понимать выражение Страбона об Акре, лежащей в Пантикапейской земле, как определение в смысле «вблизи города Пантикапея». В том же месте при определении положения Мирмекия Страбон воздерживается от этой терминологии, указывая лишь, что Мирмекий находится «вблизи Гераклия», ибо, как можно полагать, Мирмекий не входил в Пантикапейские владения. Самое употребление слова «γῆ» указывает не на географическую только близость города Пантикапея, но на его территорию, иначе по точной параллели этой фразы, определяющей положение Акры, с такой же точно (по построению) фразой, определяющей положение Мирмекия, ожидалось бы указание: *πλησίον ἔστί τοῦ Παντικαταίου*.

в одном случае речь идет о земельных владениях города, в другом — о государственных землях Боспора, в число которых входили и царские земли, приобретенные путем завоевания (*δορικτητος γῆ*). При описании Феодосии Страбон (VII, 4,4) сообщает, что город имел плодородную равнину и большую гавань. Вероятно, за городом и после его завоевания были сохранены его земельные права на прилегающую равнину, где находились и те земельные участки феодосийцев, об одном из которых упоминает Демосфен (XXXV, 32)¹.

Царские земли Спартокидов были сравнительно обширны². С. А. Жебелев впервые отметил связь титулатуры правителей Боспора с земельной собственностью Спартокидов. «Это означало, — писал С. А. Жебелев, — что отныне территории, занятые этими племенами, поступали во владение боспорского правительству, которое тем самым и получало неограниченное право на эксплуатацию их природных богатств»³. О земельных владениях Спартокидов свидетельствуют и торговля хлебом Спартокидов с Афинами и те подарки зерном, которые они делали Афинам⁴. Несомненно, что все привилегии, предоставлявшиеся боспорскими царями афинским купцам (беспошлинность, право внеочередной погрузки хлеба, направляемого в Афины, удешевленная цена на хлеб)⁵, предоставлялись на хлеб, поступивший в продажу из владений самого царя, как это и подчеркнуто несколько раз самим Демосфеном⁶.

¹ Проф. В. Д. Блаватский, Краткий очерк античного земледелия в Сев. Причерноморье, пытается вычислить количество рабочих этого феодосийца на основе закупленного вина и соленой рыбы для его земледельческих рабочих (этих эргатов акад. В. В. Струве, в противовес С. А. Жебелеву, рассматривает как рабов, ВДИ, 1950, № 3, стр. 38). В. Д. Блаватский считает, что если это рабы, — их было не менее 18, если наемные рабочие — от 300 до 500 (там же, стр. 175). Однако, самый расчет остается недостоверным, поскольку срок, на который закуплены эти продукты, неизвестен.

² См. С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития..., стр. 605—607.

³ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 19—20. С. А. Жебелев продолжает: «Правители Боспора, которым уже принадлежали значительные земельные угодья на Керченском полуострове, становились теперь обладателями больших и плодородных территорий в азиатской части Боспора. Они составляли „царскую территорию“ (*χῆρα βασιλική*), которой правитель Боспора мог распоряжаться по своему усмотрению, или эксплуатируя ее самостоятельно, или раздавая участки ее для эксплуатации членам своей фамилии, или, наконец, предоставляя, на правах аренды, эксплуатировать ее своим греческим и туземным подданным». Ср. С. А. Жебелев, Основные линии..., стр. 606, где автор подтверждает свой прежний взгляд на «царские земли» в Боспоре. Земли племен С. А. Жебелев считал несомненной собственностью Спартокидов.

⁴ Проф. В. Д. Блаватский, исходя из указаний Демосфена о ежегодном вывозе Левконом с Боспора в Афины из своих владений 400 тысяч медимнов хлеба, предполагает, что число землепашцев, обеспечивавших Левкону это количество зерна, было не менее 12 тысяч, а обрабатываемая ими территория — не менее 200 тысяч га (там же, стр. 176). В. Д. Блаватский далее полагает, что в европейской части Боспора преобладало рабовладельческое хозяйство, а в азиатских владениях Боспора работали местные земледельцы, отдававшие хлебные излишки племенной знати или боспорским царям (там же, стр. 176—177). Мысли эти, несомненно, интересны, но обоснование их вызывает ряд сомнений, так как остается нерешенным вопрос об интенсивности рабского и свободного труда и далее — о том, что следует понимать под «хлебными излишками» земледельцев. Если бы у нас была какая-нибудь дополнительная цифра, результаты могли бы быть более достоверными. Нам кажется, однако, что земли городов, освоенные с начала колонизации, вероятнее всего обрабатывались рабами, а не общинниками; может быть, применялся и труд пареков. Несомненно, что термин «пелаты» требует доследования.

⁵ Дем., XX, 30 сл.; МИС, №№ 3—4. Ср. С. А. Жебелев, Основные линии..., стр. 606.

⁶ Дем., XX, 31: большое количество хлеба, поступавшее в Афины с Боспора, Демосфен объясняет не только плодородностью земли, но и силой власти Левкона на

О праве царя на личное распоряжение завоеванной землей убедительно свидетельствует известие, сохраненное Диодором, о предоставлении Евмелом права убежища тысяче каллатийцев, покинувших свой город после войны с Лисимахом. Евмел предоставил им землю для основания города и на этом основании (или «на этих условиях» — ἐπὶ τούτοις) передал им Псою (повидимому, местное поселение) и разделил на клеры прилегающую к ней землю¹.

Наличие пограничных крепостей эллинистического и римского времени, подвластных царю и его военачальникам и построенных, вероятно всего, на царской земле, засвидетельствовано археологическими открытиями². Раскопки В. Ф. Гайдукевича в Илурате вскоре дадут нам полное представление о боспорских *φρούρια* римского времени³. Повидимому, это те крепости, которые существовали как в пределах, так и за пределами Боспорского царства (ср. Cass. Dio, XXXVII, 14, 3) для военного кон-

Боспоре, правом верховного контроля его, как царя, над хлебной торговлей (ἀλλὰ διὰ τὸ κύριον ὄντα τὸν Λεύκων αὐτοῦ); С. А. Жебелев, Основные линии..., стр. 606, прим. 3, трактует этот термин несколько упрощенно: по Демосфену, Левкон «хозяин» (κύριος) боспорского хлеба. В § 32 той же речи, говоря об ателии, установленной Левконом для афинских купцов, Демосфен поясняет, что хлеб вывозится купцами «из его (Левкона) владений» (παρ' αὐτοῦ). При глаголах «давать», «предоставлять что-либо» (как здесь ἐξάγειν — предоставлять вывоз хлеба) παρ' αὐτοῦ значит от себя, «из своих личных средств»; ср. Дем., II, 4: Филипп обязан своим могуществом нам, а не своим собственным средствам (οὐχὶ παρ' αὐτοῦ). В данном месте у Демосфена это подчеркнуто следующим за παρ' αὐτοῦ — παρ' ἐμοῦ, которое здесь употреблено вместо ἐαυτοῦ, еще более подчеркивая значение этого выражения. Ср. R. Kühnert — В. Gerth, Ausführl. Gramm., ч. II, т. 1, 1898, стр. 510 и 649. В речи Демосфена Левкон назван архонтом Боспора. Повидимому, в общении с Афинами Левкон выступал именно как архонт боспорских городов. Этим одновременно подчеркивался и демократизм самого Левкона, оказывающего благодеяния (евергесию) афинянам.

¹ В. В. Латышев, ПОНТИКА, стр. 171—174, напрасно предполагал здесь (Diod., XX, 25) порчу текста и пытался исправить чтение τὴν νομοαζομένην Ψῶν καὶ τὴν χῶρον путем замены ΨΟΑΝΚΑΙΤΕΝ на ΘΙΑΝΝΙΤΙΝ. Как нам кажется, критика данного текста основана на понимании выражения πόλις ἔδοξε κατοικεῖν, как упоминания переданного каллатийцам какого-то неизвестного, но вполне определенного города, а не предоставления им земли для основания города или на условии основания города, как и следует понимать данное место, согласно имеющимся в литературе параллелям. Отсюда В. В. Латышев и заподозрил правомерность употребления названия Псою. Однако, приведенные автором примеры искажений собственных имен у Диодора не свидетельствуют в пользу его гипотезы (см. стр. 172, прим. 2). Замена Афин Фивами и Спарты Мессенией — явная описка под влиянием только что упомянутых в одном случае Афин, в другом — Мессений. Искажения же περὶ εἰρήνης вм. περὶ Πρίνης и αἰγυνίταις вм. Ἀαγυνίταις легко выправляются. Для подтверждения своей гипотезы В. В. Латышев вынужден предположить, что Θ перешла сначала по ошибке в Φ, а затем по вторичной ошибке в Ψ; Ψ в Ο, и, наконец, к поставленному вместо Ν — К переписчик механически присоединил Α под влиянием следующего в слове звука Ι. Ни одной аналогичной порчи текста у Диодора автор не может найти. Кроме того, искусственно и самое восстановление Θιαννίταις; при существовании формы Θιάννας нет нужды восстанавливать посредством искусственно созданного этника новую параллельную форму Θιαννίταις. Таким образом, В. В. Латышев должен был прибегнуть к ряду филологических патяжек; некоторые из них были сомнительны и для него самого. Помимо этого, сомнение вызывает поселение каллатийцев на территории частных владений, непосредственно прилегающих к храмовой земле. Мы не можем поэтому согласиться с В. Д. Блаватским, признающим это восстановление «очень убедительным» (там же, стр. 165). В исправлении данного текста Диодора, нам кажется, нет необходимости.

² См., например, Н. Захаров, Пограничное укрепление Боспорского государства на Сев. Кавказе и Краснотатарейное городище, СА, 1937, № 2, стр. 229—230; Н. В. Афанасов, Новые данные из истории азиатского Боспора, СА, 1941, № 7, стр. 263 сл.; Е. И. Крупинов, К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе, КСИИМК, XXIV (1949), стр. 27 сл.

³ В. Ф. Гайдукевич, Боспорский город Илурат, СА, № 13 (1950), стр. 173 сл.

троля внутри царства и обороны его пограничных владений¹. Наличие крепостей с постоянными военными гарнизонами и поселений клерухов на царской земле служит несомненным указанием на существование в Боспорском царстве государственной χώρα, находящейся под непосредственным контролем царя и его военачальников.

Вероятно, боспорские цари имели при себе «первых друзей», которым поручалось управление царской «хорой», заселенной подвластным царю населением, и контроль над военными гарнизонами и поселениями катеков, расположенными на этой территории. Так, например, у Исократа (XVII, 3) сын Сопея, рассказывая афинскому суду о своем отце, сообщает, что Сопей пользуется таким доверием Сатира, что πολλῆς μὲν χώρας ἄρχειν, ἀπάσης δὲ τῆς δυνάμεως ἐπιμελεῖσθαι. τῆς ἐκείνου. В. В. Латышев перевел это место Исократа следующим образом: «так дружен с Сатиром, что начальствует над большой областью и имеет попечение о всех его владениях» (Scyth. et Sauc., I, стр. 357). С переводом В. В. Латышева был согласен и С. А. Жебелев (Боспорские этюды, стр. 17, прим. 3): «Сопей „радеет“ о всех владениях Сатира». Однако из контекста следует, что Сатир, поверя доносам, полагал, что Сопей злоумышляет против его власти и сам претендует на царскую власть на Боспоре (ὁ πατὴρ οὐμός ἐπιβουλεύσει τῇ ἀρχῇ καὶ γὰρ τοῖς φυλάσι συγγιγνοίμην), поручив для этого сыну войти в сношения с боспорскими изгнанниками. Стремление захватить царскую власть (ἀρχή) было возможно только в том случае, если Сопей располагал военной силой, т. е. принимал непосредственное участие в командовании войсками. Нам кажется более верным следующее понимание данного места: Сопей пользуется таким доверием Сатира, что «правит большей частью царской территории (πολλῆς μὲν χώρας ἄρχειν) и (вместе с тем) управляет всем его войском». Из надписей М. Азии и Родоса эллинистического времени видно, что такое совмещение военной власти с контролем над χώρα было обычным явлением².

Из всего вышесказанного следует, что со времени объединения городов при Археанактидах, а также при Спартокидах и вплоть до позднего времени самоуправляющиеся города сохраняли за собой право на свои земельные территории. Это, конечно, не исключало возможности со стороны царей Боспора, особенно в периоды усиления их могущества, ограничивать власть города или активно вмешиваться в его жизнь лично или при посредстве специальных должностных лиц. Одновременное владение большими площадями земли и наличие в распоряжении царя основной военной силы давало царям возможность не только контролировать жизнь городов, но и поощрять их путем земельных дарений городам или отдельным представителям городов и, таким образом, укреплять преданный им класс крупных землевладельцев; в этот период этот класс, вместе с владельцами эргастерий и кущами, как раз и составлял руководящую верхушку городов. Опора царей на города в экономических целях совместной эксплуатации «хоры» и использования прибавочного продукта рабов и земледельцев, ее возделывающих, не подлежит сомнению.

¹ В. Ф. Гайдукевич отмечает, что «задача крепости (Илурата) состояла в том, чтобы усилить обороноспособность пантиккапейской округи и тем самым обезопасить столицу» (там же, стр. 202).

² Ср. на Родосе: στραταγοὶ ἐπὶ τὰν χώραν и εἰς τὸ πέρας — CR, II, № 18, стр. 189; V, № 22, стр. 192 и др. В Миласе почетное постановление стратегу за его заслуги по охране хоры и катеков (τῆς ἐπὶ τῆς χώρας φυλακῆς καὶ τῆς κατοικοῦντων [σωτηρίας?]) — BCH, 1934, стр. 349); в Алабанде — стратег, командовавший военными силами, одновременно был и στραταγὸς ἐπὶ τῆς χώρας, BCH, 1881, стр. 180; ср. и ἀγεμὼν ἡμισθος ἐπὶ τὰς χώρας τὰς Λινδίας, A. M a i u r i, NS, № 18, 2, 4—5 и др.

Насколько Спартокиды считались с рабовладельческой знатью крупных городов, свидетельствует рассказ Диодора о борьбе Евмела с его братьями. Диодор сообщает, что после победы Евмела над братьями и захвата им власти он справился с родственниками и друзьями братьев, убив их жен, детей, а также приближенных к ним людей (φίλοι)¹. Эти действия вызывают возмущение граждан Пантикапея (ἀγαχτοῦντων δὲ τῶν πολιτῶν ἐπὶ τῷ φόρῳ τῶν οἰκείων). Негодование граждан вынуждает Евмела созвать народное собрание (эκκлесию) пантикапейцев и выступить на нем с речью, оправдывающей его поступки (περὶ τε τούτων ἀπελογήσατο). Следовательно, действия Евмела вызывают негодование граждан. Какие же действия? Бегство Притана из Пантикапея в Кепы и незаконное его умерщвление; убийство «друзей» Сатира и Притана, которые, конечно, представляли знать боспорского общества и многие из которых были пантикапейцами; умерщвление жен и детей как братьев Евмела, так и «друзей», захваченных и убитых царем.

Этими действиями Евмел нарушал права города, обессиливал город, казня по личному произволу представителей боспорской и пантикапейской знати². Таким образом, негодование пантикапейцев было вызвано грубым нарушением Евмелом τὴν πατριὸν πολιτείαν, и Диодор ясно говорит об этом. Именно поэтому Евмелу и пришлось произнести в свое оправдание речь перед собравшимся народом (τὰ πλῆθῃ), признаться в своей вине и восстановить нарушенную им же τὴν πατριὸν πολιτείαν. Он сохранил пантикапейцам и беспощадность и, более того, желая загладить свои поступки и заслужить расположение граждан, он обещал им полное освобождение от всех вообще податей (προσπεργγείλατο δὲ καὶ τῷ εἰσφορῶν ἅπαντες ἀφίσειν³).

¹ Dio d., XX, 24. В. В. Латышев в своем переводе необоснованно вставил от себя (для пояснения) слово «своих», которого нет в тексте Диодора: «граждане выражали негодование по поводу убийства (царем своих) родственников».

² Ср. с этим осторожную политику Митридата Евпатора в тот период, когда он кровно был заинтересован в поддержке городами его власти. После самоубийства Махара Митридат предал казни только тех из его «друзей», которых он сам дал ему из числа пантийской знати, отправляя сына на Боспор; «друзей» же его из числа боспорской знати он отпустил, не подвергнув наказанию (A p p., Mithr., 102).

³ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 23, понимал этот текст Диодора несколько иначе: брожение в Пантикапее было вызвано, по его мнению, крутой расправой Евмела со своими родственниками. Выступив на сходке, Евмел восстанавливает τὴν πατριὸν πολιτείαν, т. е. строй, нарушенный событиями, разыгравшимися после смерти Перисада, и подтверждает право ателии иноземным купцам, проживавшим на Боспоре. Остается неясным — почему С. А. Жебелев считал, что речь шла здесь о беспощадности иноземных купцов, а не самих пантикапейцев. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 74—75, толкует текст Диодора значительно свободнее: Евмел спешит предоставить ряд льгот жителям столицы, чтобы обеспечить себе «поддержку со стороны господствующих слоев боспорского населения». Евмел созывает собрание в Пантикапее и произносит речь, наполненную «различными обещаниями». Народное собрание выслушало боспорского царя Евмела, не приняв никаких решений. Таким образом, В. Ф. Гайдукевич просто опускает те события, которые предшествовали созыву собрания пантикапейцев; в связи с этим создается неверное представление о том, что это собрание было обычным типом народных собраний, которое по традиции «временами созывалось в Пантикапее Спартокидами»; по существу, пантикапейцы были призваны на этом собрании не принимать решений, а выслушать оправдания Евмела и получить от него гарантию дальнейшей неприкосновенности их прав, нарушенных Евмелом; ни о каких других решениях здесь не могло быть речи. Мы склонны думать, что созыв многолюдного собрания (τὰ πλῆθῃ) был в интересах Евмела, так как класс свободных производителей Пантикапея был в первую очередь заинтересован в экономических гарантиях со стороны царя и легко «простил» ему убийство представителей пантикапейской рабовладельческой знати. Самый созыв собрания царем, по мнению В. Ф. Гайдукевича, указывает на экстраординарный характер этого собрания, потому что нигде и никогда сами цари не созывали граждан ни на сходку, ни на собрание. Правильным у В. Ф. Гайдукевича, с нашей точки зрения, является отнесение всех привилегий Евмела (в том числе и восстановления

Заканчивая рассказ об этих событиях, Диодор употребляет очень характерные термины, широко распространенные в эллинистический период при определении взаимоотношений эллинистических правителей с подвластными им городами, пользующимися самоуправлением: вернув посредством благодеяния (еввергесии) преданность (евнойя) гражданам, Евмел все остальное время царствовал, архонтствуя законно¹. Термин «еввергесия» всегда подчеркивал отношение царя к городу, как дружбу и покровительство; граждане городов отвечали на это «преданностью» (εὐνοία), тем самым как бы гарантируя активную поддержку в проведении всех мероприятий государственной власти.

Наличие политических изгнанников, боязнь заговоров, страх перед сношениями боспорских подданных с изгнанниками на чужбине (повидимому, людьми, influentialными и на Боспоре) свидетельствуют о наличии борьбы первых Спартокидов со своими политическими врагами². О том же свидетельствуют и рассказы Полиена (VII, 9, 2; VII, 37) о заговоре многих из «друзей» и граждан против Левкона и о том, что Перисад менял одежду, не желая быть узанным во время бегства ни своими, ни врагами. Несомненно, что и в городах (особенно лишенных самоуправления) были люди, недовольные экономическими ограничениями и политическим режимом, установленным на Боспоре, или сторонники смещенных боспорских правителей. Время от времени противоречия могли расти, как показывает вышеприведенный случай с Евмелом, пытавшимся самовластно распорядиться в Пантикапее. Однако экономической опорой власти царей были именно города и заменить эту опору организованным насилием было невозможно. Именно поэтому противоречия между городами и царями никогда не принимали характер антагонизма.

Политика царей по отношению к городам была не всегда одинакова. Рассказ Полиена о Левконе (повидимому, Левконе II)³ является одной из иллюстраций этого положения. Левкон, по Полиену, заподозрив триерархов в неверности во время войны с гераклеотами, сместил их, назначив других триерархов⁴. После успешного окончания войны Левкон выз-

ателии) к самим пантикапейцам. Иначе толкует этот же отрывок Д. П. К а л и с т о в, Очерки по истории Сев. Причерноморья..., стр. 214 и 231, считая, что в ходе борьбы создались две группировки, причем пантикапейские граждане, повидимому, с самого начала борьбы находились в лагере противников Евмела. Поскольку и после захвата власти враждебность пантикапейцев продолжалась, Евмел, «чтобы смягчить создавшееся положение и, заручившись симпатиями пантикапейцев, упрочить свою власть», созывает народное собрание. «На нем он произносит речь, а затем, желая приобрести расположение граждан, проводит ряд популярных в их глазах мер. Он восстанавливает τὴν πῆτρον πολιτείαν пантикапейцев. Он даровал народу ателию, которой жители Пантикапея пользовались при его предках...». Для такого понимания текста Диодора, по нашему мнению, также нет оснований. Пантикапей легко переходил во время борьбы братьев под власть то одного, то другого из них. Самый захват власти Евмелом не вызвал в Пантикапее ни возмущения, ни восстания. Поэтому говорить об активной роли Пантикапея в лагере противников Евмела у нас нет никаких оснований, тем более, что, приняв оправдания Евмела, получив от него обещание впредь соблюдать права пантикапейцев, а также и ряд новых привилегий, пантикапейцы немедленно примирились с новым царем. Если бы этому предшествовала активная враждебность города, примирение не могло бы совершиться в такой форме. Кроме того, создается впечатление, что Евмел будто бы восстанавливает «отцовскую конституцию» города, нарушенную кем-то до него, что из текста Диодора также не вытекает. О личных проступках Евмела по отношению к пантикапейцам Д. П. Каллистов даже не упоминает.

¹ D i o d., XX, 24, 5: ἐβασίλευσεν ἀρχὼν νομίμως.

² См. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, стр. 494—495, прим. 3.

³ P o l y a e n., VI, 9. Стр. Д. Б. Ш е л о в, Феодосия, Гераклея и Спартокиды, ВДИ, 1950, № 3, стр. 172 сл.

⁴ Повидимому, триерархи выбирались городом, так как их смещение и назначение царем других представляется актом, требующим оправдания со стороны царя.

вал триерархов на суд, чтобы «не показалось неосновательным его к ним недоверие». Следовательно, первоначально Левкон собирался добиться на суде их обвинения самими гражданами Пантикапея, поскольку суд касался вопросов управления городских магистратов; поэтому вполне возможно, что этот суд был не царским судом, а городским. То же стремление казаться беспристрастным сказывается и в том, что Левкон во время смещения триерархов, предоставил их родственникам в управление села (χωμαι). Однако на суде он приказал солдатам перебить триерархов, предварительно их окружив. Рассказ Полиена, повидимому, отражает какие-то реальные события в Пантикапее, что особенно ясно видно из сопоставления с этим другого рассказа того же автора о заговоре против Левкона, в который вошли многие из «друзей» и граждан. Интересно, что во время военной опасности Левкон ведет себя по отношению к пантикапейцам чрезвычайно осторожно; после победы, опираясь на преданных ему наемников, Левкон грубейшим образом нарушает городское право самоуправления, так как в этот момент оппозиция части пантикапейцев ему уже не страшна¹.

В период роста экономического и политического могущества Спартокидов, несомненно, усиливалась тенденция централизации власти со стороны царей по отношению к городам Боспора. Об этом свидетельствует стремление царей установить в городах царские культы, как можно заключить из свидетельства Страбона (VII, 4,4) об обожествлении Перисада. Это отчетливо прослеживается и на чеканке городской монеты от имени полиса, что, конечно, было очень значительной привилегией городов, как самоуправляющихся общин. В связи с этим особенно интересны наблюдения А. Н. Зографа над колебаниями в монетных типах и в легендах монет в разные периоды истории Боспора. Для V—IV вв. до н. э. А. Н. Зограф отмечает резкое различие фанагорийских, синдских и пантикапейских монет². Однако Д. Б. Шелов указывает, что и в этот период «соответствующие номиналы в чеканке второстепенных городов Боспора в веховом отношении рабски следуют за пантикапейскими нормами»³. Следовательно, уже в начальный период власти Спартокидов сохранялось преимущественное положение Пантикапея среди других городов Боспора; это влияние Пантикапея, конечно, еще более усилилось после прекращения чекана монет Нимфея и Синдики в конце V в. до н. э.⁴ На основе нумизматического материала А. Н. Зограф устанавливает в истории боспорских городов при Спартокидах периоды их меньшей или большей экономической самостоятельности⁵. Некоторые города (к их числу отно-

¹ Трудно согласиться с С. А. Жебелевым, Боспорские этюды, стр. 21, считавшим, что «Боспорскую монархию... правильнее было бы назвать аграрно-коммерческой монархией, но ни в коем случае не военной». Боспорское государство опиралось, как и другие эллинистические монархии (например, Пергам или Понт), на военную силу не только в отношении подвластных племен и народностей; сосредоточение верховной военной власти в руках царей играло большую роль в их взаимоотношениях с городами.

² А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, вып. 16 (1951), стр. 170—171.

³ Д. Б. Шелов, Монетная система Боспора в VI—V вв. до н. э., МИА, вып. 10 (1951), стр. 134—135.

⁴ Д. Б. Шелов, ук. соч., стр. 134—135.

⁵ Правители Боспора были, в первую очередь, заинтересованы во внешней, а не во внутренней торговле; если внутренняя торговля и торговля с племенами обслуживалась монетами городов, то внешняя торговля с греческими и малоазиатскими купцами обслуживалась «кизикенами», которые, по предположению Д. Б. Шелова, Кизикские статеры на Боспоре, ВДИ, 1949, № 2, стр. 95; он же, Монетная система Боспора..., стр. 134, играли значительную роль в денежном обращении на Боспоре уже в V в. до н. э. Началом IV в. до н. э. А. Н. Зограф датирует чекан золотых статеров, который

сится и Феодосия) довольно рано утрачивают право на самостоятельный чекан монеты; в Фанагории почти на сто лет прекращается чекан монет во время утверждения централизованной власти Спартокидов, и на это время чекан монеты сохраняется лишь за Пантикапеем (середина IV — середина III в. до н. э.). Это, конечно, усиливает и значение Пантикапея, как главного экономического центра Боспора, и кроме того облегчает контроль царей за чеканом монеты в пределах царства¹. С середины IV в. до н. э. власть Спартокидов очень укрепилась: Спарток, сын Евмела, в афинском декрете уже именуется царем, и на самом Боспоре нет уже прежней строгой последовательности в применении титулов архонта и бацилея², почему С. А. Жебелев и считал возможным датировать началом III в. до н. э. окончательное превращение Боспорского государства в Боспорское царство.

Исследования А. Н. Зографа и Д. Б. Шелова ясно свидетельствуют о неоднородном положении городов в Боспорском царстве. Среди городов, пользовавшихся автономией и свободой, т. е. самоуправлением, правом чекана монеты от имени городской общины, свободой от налогов и от царских гарнизонов, в первую очередь следует назвать Пантикапей.

Пантикапей назван у Страбона в одном месте метрополией европейски боспорцев (τῶν Εὐρωπαϊῶν Βοσπορανῶν μητροπολις, XI, 2,10), в другом — метрополией боспорцев (ἡ μητροπολις τῶν Βοσπορανῶν, VII, 4, 4). Эти два определения нельзя считать случайными: вероятно, в то время, когда Фанагория еще была сильна, Пантикапей был столицей только европейской части Боспора; позже, когда власть Спартокидов усилилась и полисные привилегии Фанагории были сокращены, столицей всего Боспорского царства стал Пантикапей. Пантикапей был residen-

продолжается до конца IV в. до н. э. В 40-х и 30-х годах IV в. у божества на стateraх появляется веночек из плюща; поэтому А. Н. Зограф предполагает, что, несмотря на то, что чекан продолжается от имени пантикапейцев, «вновь избранный тип явился говорящей эмблемой правителя, а не города» (ук. соч., стр. 171—172). Исходя из этого предположения, кажется вполне вероятным, что чекан золотой монеты, сохраняя имя города, находился уже под контролем магистратов царя; в середине III в. до н. э. (повидимому, при Левконе II) начинается чекан медной царской монеты, существующей сначала, в период обеспечения монет городов, для оплаты собственно царских расходов (там же, стр. 182—183). В конце III в. до н. э. А. Н. Зограф отмечает полное уподобление фанагорийских монет монетам Пантикапея (там же, стр. 170—171). Во II в. до н. э. в домитридовский период факты свидетельствуют об ослаблении царской власти при одновременном росте городов и городских магистратур. «Фанагория, монетная чеканка которой совсем замирает с середины IV в. и в конце III в. до н. э. выражается только в выпуске мелкой меди, во II в., по примеру Пантикапея, выпускает серебряные монеты с ἐθνικόν в полном виде ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ» (там же, стр. 181). Так же и на монетах Пантикапея во II в. до н. э. вместо прежнего (обычно сокращенного) имени города, становится традиционным полное имя городской общины: ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ (там же, стр. 180—181). В этот же период начинает чекан своей монеты и Горгиния (там же, стр. 182).

¹ А. Н. Зограф, заканчивая обзор четвертого установленного им периода чекана боспорских монет, отмечает, что даже при поздних Спартокидах основное денежное обращение заполнялось серебряной и медной монетой, чеканенной городами Боспора. «Но пойти дальше и с уверенностью сказать, что эта автономная чеканка монеты не была только внешностью, а отражала действительные права самоуправляющейся общины, мы, к сожалению, не можем». В них, по мнению А. Н. Зографа, нет важного признака развития автономной монеты классического и эллинистического периодов — имен выборных магистратов (там же, стр. 100). Однако следует заметить, что и в ранней чеканке еще самостоятельных боспорских городов мы также не встречаем имен монетных магистратов; кроме того, оживление чеканки городов в периоды ослабления государственной власти также как будто свидетельствует, что право чеканки было не только формой, но и действительным проявлением самостоятельности экономической жизни городов, однако в условиях наличия единого государства и государственной власти.

² С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 24.

цией боспорских царей (Diod., XX, 24,1); повидимому, акрополь города был занят царями, так как там помещался и царский дворец и царская охрана (Cass. Dio, 37,12). Одновременно Пантикапей сохранял свое городское самоуправление, имел свой совет, народное собрание, своих должностных лиц. Если, как отмечает В. Д. Блаватский, Пантикапей доспартокидовского времени занимал только район первого кресла Митридата и плато по направлению к старому зданию музея, то при Спартокидах город стал систематически расширяться. В. Д. Блаватский отмечает и террасную планировку города, и сооружение при Спартокидах монументальных построек¹. Следовательно, население города продолжало непрерывно возрастать, и Спартокиды уделяли немало внимания красоте города и его планировке. Пантикапей был одновременно и центром той боспорской знати, которая составляла многочисленных «друзей» царя и была связана с пантикапейской общиной. Однако, как уже говорилось, время от времени противоречия между гражданами Пантикапея и царями проявлялись в более резкой форме, как во время заговора против Левкона или при столкновении с Евмелом.

Несомненно, что основная часть населения Пантикапея жила за счет торговых, ремесленных и земельных доходов. Независимо от того, кто это был — владелец рабской эргастерии, купец-посредник или землевладелец, продающий на рынке хлеб со своих владений, — все эти люди были заинтересованы в торговле, и притом на наиболее выгодных для себя условиях. Однако экономические ограничения пантикапейцев начались уже во всяком случае с Перисада I: из торговых речей Демосфена мы узнаем, что Перисад предоставил купцам, везущим в Афины хлеб, беспошлинность (Соп. Phorm., 36), что Левкон представил право первоочередной погрузки купцам, везущим хлеб в Афины (Соп. Lept., 31), а после оборудования феодосийской гавани предоставил для Афин беспошлинность и в этой гавани (Соп. Lept., 33). До нас дошли и три боспорские надписи, повидимому, все относящиеся к Перисаду, о предоставлении частным лицам проксении и ателии «на все товары во всем Боспоре» (IOSPE, II, №№ 1, 2, 3)². Сосредоточение хлебной торговли с Афинами в руках царей и право сбора торговых пошлин (как и право освобождения от них) в крупнейших гаванях Боспора — в Пантикапее и Феодосии, царский контроль над гаванями и наличие в них сборщиков налогов (Соп. Phorm., 34) наносило немалый ущерб тем товаропроизводителям и купцам, которые были заинтересованы в дальнейшем развитии своих торговых связей за пределами Боспора, и, конечно, с Афинами. Отмеченное Д. Б. Шеловым преобладание во внешней торговле не городских монет Боспора, но кизикенов, лишний раз подчеркивает стремление Спартокидов к экономическому преобладанию во внешней торговле, особенно с государствами, представлявшими выгодные рынки сбыта зерна.

¹ В. Д. Блаватский, Материалы по истории Пантикапея, МИА СССР, вып. 19 (1951), стр. 13 и 33—34.

² А. В. Никитский, Речи Исея и Демосфена, М., 1903, стр. 262—263, отметил взаимную экономическую заинтересованность Афин и Спартокидов в хлебной торговле. Он также указывал, что ателия, предоставленная афинским купцам (освобождение от вывозной пошлины), здесь особая, «хотя Демосфен хочет представить ее тождественной с той, о которой говорит Лептин». А. В. Никитский указывает далее, что ἀτέλεια πάντων не всегда означает освобождение от ввозных и вывозных пошлин, если она не оговорена точно: ἀτέλειαν ὡν ἂν ἐξίγῃσι καὶ ὡν ἂν εἰσίγῃσι (стр. 227—228). Нам кажется, что ателию на все товары, предоставленную Перисадом и его сыновьями на Боспоре отдельным купцам, не следует понимать как сосредоточение этого права только в руках царей. Вероятнее всего, это касается вывозимых товаров, т. е. освобождения от гаванных пошлин, так как гавани находились под царским контролем.

Представляется несомненным, что политическая организация городов была тесно связана с их экономическими привилегиями, и поэтому всякое очередное наступление на «отечественную политику» того или другого крупного города было связано с ущемлением и экономических его интересов. Однако общая классовая цель — приобретение прибавочного продукта путем эксплуатации труда рабов и земледельцев — заставляла и города и царей вступать на путь компромиссов и не доводить дела, за редкими исключениями, до непосредственного конфликта. Так, как уже упоминалось, при Митридате Евпаторе (во время подготовки последнего к походу из Крыма на Рим) города, лишённые права елевтерии (свободы от налогов и гарнизонов), а кроме того страдавшие от торговой блокады со стороны римского флота, подняли восстание против царя. Фарнак после прихода к власти был вынужден значительно больше считаться с требованиями городов.

Асандр, правивший первые три года под именем архонта¹, уже в этот период, наряду с чеканкой городами, чеканил монету и от своего имени, но предположению А. Н. Зографа, для оплаты войска и, вероятно, находясь еще вне пределов Пантикапея (ук. соч., стр. 190). После принятия им царского титула чекан меди оставался за городами, а Асандр чеканил от своего имени золотую монету (там же). Царский титул, утвержденный Римом за Асандром, распространяется на все царство. Однако характерной чертой римской политики этого периода (например, в государствах М. Азии) было сохранение полисной автономии в ряде городов в качестве противовеса утверждаемому Римом царю. Конечно, на Боспоре влияние Рима было значительно слабее, чем в М. Азии, но тем не менее характерно, что Помпей, передавая власть Фарнаку, предоставил фанагорийцам независимость от Боспора и, следовательно, более полную свободу и автономию за то, что они «первыми подняли восстание» против Митридата (App., Mithr., 113), и позже мы встречаемся в надписях с упоминанием фанагорийского демоса. Надпись римского времени сообщает о после, отправленном фанагорийцами в Рим — Эдике, сыне Евода². Таким образом, сохранение за Фанагорией после падения Митридата полисных привилегий, вплоть до права посылать от своего имени посла в Рим, подтверждается надписями³.

¹ Термин «этнарх», сообщаемый Лукьяном, вероятно, является заменой термина βασιλεύων, обычного по отношению к племенам Боспора; поскольку Асандр утверждается Римом как царь позднее, постольку Лукьян просто хотел избежать применения этого титула к первым годам правления Асандра. О правлении Асандра см. Е. С. Г о л у б ц о в а, Северное Причерноморье и Рим на рубеже н. э. («Причерноморье в античную эпоху», вып. 1), М., 1951, стр. 76—81.

² *CIL*, VI 5207: «Νῆδικος Εὐδοῦ προεβουτῆς Φαναγορείτων τῶν κατὰ Βόσπρον».

³ Некоторые боспорские города уже при Спартокидах были лишены ряда привилегий, связанных с сохранением за полисом елевтерии и автономии. Кепы, названные в речи Эхина (Ог. III, 172), платили Спартокидам дань — именно так, по видимому, лучше всего понимать выражение оратора: Гилон «получает в качестве дара от тиранов так называемые Кепы». С. А. Ж е б е л е в, Боспорские этюды, стр. 35, также, считая маловероятным подарок боспорского города Гилону, полагал, что последний получил в подарок от Спартокидов участок в городе. Нам кажется, что Гилону была передана сумма налога, уплачиваемого городом Спартокидам. По нашему мнению, нет оснований понимать относящееся сюда пояснение схоластика (SC, I стр. 369) καὶ τοὺς καλούμενους Κῆτους, τότους τινάς, καρτοῦσθαι λαβὼν παρ' αὐτῶν, как «получил Кепы с некоторой относящейся к этому местечку (χωρίον) территорией (τότους τινάς) для сбора натуральных платежей с «обрабатывавших эти угодия зависимых крестьян-пелатов» (см. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, стр. 515, прим. 107); τότους τινάς является всего лишь определением к τοὺς Κῆτους, а не указанием на подвластную Кепам территорию; глагол καρτοῦσθαι в med. означает не только натуральные сборы, но и денежные доходы (ср. De m., XXVII, 5) и доходы, извлекаемые из города (ср. Lys., XXV, 25). Была лишена права чеканки и Феодосия после ее присоединения к Боспору, а гавань Феодосии была монополизирована боспорскими

Особый интерес вызывает известная нам по надписям, главным образом II—III вв. н. э., политическая организация Танаиса, где, наряду с эллинархом, со стратегами граждан и эллинами, мы встречаем архонтов танаитян¹, [.....] танаитян (IOSPE, II, 428), лохага танаитян² и в одной из надписей обозначение «танаит» при личном имени Деметрий, сын Аполлония (IOSPE, II, 433). Т. Н. Книпович, исследуя надписи Танаиса, пришла к верному выводу о том, что в городе первоначально существовали обособленные друг от друга две этнические группы: эллины и танаиты. Общественная организация местного населения Танаиса сложилась со времени основания города. В результате борьбы между представителями двух групп господствующего класса, местной и греческой, был позднее достигнут компромисс; этот компромисс мог возникнуть по двум основным причинам: общей заинтересованности в сохранении независимости Танаиса от Боспора и, во-вторых, общей заинтересованности в эксплуатации местного населения Придонья³.

Особенно важно для нас то, что местное население Танаиса было довольно рано объединено в городскую общину со своими выборными архонтами, в общину «танаитян»⁴. Следовательно, организация городского самоуправления в известных случаях была свойственна не только греческому, но и местному населению Боспора. Принимая во внимание критическое замечание Т. Н. Книпович о том, что нельзя переносить характерные черты организации Танаиса на остальные города Боспора (ук. соч., стр. 126), все же нельзя рассматривать Танаис и как исключение, как неповторимый случай в истории возникновения и развития городов Боспорского государства. Результаты раскопок многих городов и поселений Боспора часто свидетельствуют о смешанном характере населения, причем в некоторых, особенно окраинных городах Боспорского государства, о преобладании местного населения над греческим. Поэтому возможно, что на Боспоре были и помимо Танаиса такие города, в которых

царями. Однако феодосийцы упорно боролись за свою свободу и выдержали, как показал Д. Б. Шелов, несколько войн с царями Боспора (см. Д. Б. Шелов, Феодосия, Гераклея и Спартокиды, ВДИ, 1950, № 3, стр. 17 сл.). Д. Б. Шелов убедительно связывает возобновление чекана в Феодосии в середине IV в. до н. э. и около середины III в. до н. э. с военными столкновениями между царями Боспора и гераклеотами; ср. характерное выражение у Аристотеля (Оесопот., II, 2, 8) о попытке гераклеотами кораблей «против боспорских тираннов».

¹ IOSPE, II, 423, 427, 430. В последней надписи названы четыре архонта танаитян, почему и считается, что надписи, упоминающие одного архонта танаитян, имеют в виду лишь архонта-эпонима; ср. Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 95, прим. 4, 5 и 6.

² См. А. И. Болтунова, Из черновигов В. В. Латышева, ВДИ, 1951, № 2, стр. 120 сл. Предположение А. И. Болтуновой о необходимости восстановления для Танаиса, на основании существующей должности лохага танаитян, и должности лохага эллинов вызывает сомнения, так как у эллинов Танаиса засвидетельствована должность стратега граждан (στρατηγός πολιτῶν, IOSPE, II, 423).

³ Т. Н. Книпович, Танаис, стр. 98—99, 101—109, 125—126, 126—127.

⁴ С этой точки зрения исключительный интерес приобретает надпись IOSPE, II, 433: Деметрий, сын Аполлония, танаит, отстроил на собственный счет и восстановил городу и купцам какую-то разрушенную постройку города. Не может ли это означать, что этникон «танаит» (Τάναϊται) показывает приоритет в Танаисе именно местной его организации, а не греческой? Или следует думать, что в это время один и тот же этникон «танаит» применялся к обеим группам населения города? Вернее, как нам кажется, первое, так как этот этникон употреблен в самом городе, а не за его пределами. С этим как будто бы хорошо согласуется и культ местного речного божества Танаиса, которому греки позже придали соответствующую греческую родословную; ср. Т. Н. Книпович, ук. соч., стр. 116—118. В пользу этого же предположения, по нашему мнению, свидетельствует и то, что греки Танаиса обычно называются в надписях Танаиса же эллинами и гражданами (ср. «стратег граждан»), а право на название по имени городской общины (Танаиса) сохранилось за танаитянами, аборигенами этого города.

самоуправление было организовано не греками, а скифским, синдским или меотским населением Боспора.

Наряду с городами, пользовавшимися автономией и елевтерией, встречаются упоминания и о существовании на Боспоре *πολίσματα* и *πολίχαια*. О значении термина *πολίσματα* на Боспоре, к сожалению, пока ничего определенного сказать нельзя, так как он употреблен у Диодора только в самом общем смысле¹. О значении термина *πολίχαια* можно судить на основании текста Страбона, который в двух местах своего труда называет Мирмекий в одном случае селением (*χώρη τὸ Μυρμηκίον*) (XI, 2,6), в другом — *πολίχαιόν ἐστι Μυρμηκίων* (VII, 4,5; ср. An. Per., 76). Если исходить из этих двух определений у одного и того же автора, то можно полагать, что Мирмекий назывался «городком», так как имел укрепления², и был «селением», поскольку не имел полисного самоуправления, подобно неукрепленным *χώραι*. У Псевдо-Скилака (68) Мирмекий назван полисом. И это определение источника, по времени более раннего, чем Страбон, имеет реальное основание, поскольку раскопки Мирмекий показывают, что он возник одновременно с Пантикапеем и, повидимому, независимо от него³. Можно думать, что первоначально Мирмекий представлял самоуправляющуюся городскую общину, но позже, потеряв самостоятельность, превратился в *χώρη*, которая управлялась либо пантикапейскими властями, либо правителями Боспора⁴.

На Боспоре существовали также и города, основанные самими боспорскими царями. Так, Псевдо-Скимн называет Киммерий, расположенный на Таманском полуострове, городом, «основанием боспорских тираннов»⁵. В сообщении Диодора о поселениях бежавших от Лисимаха каллатийцев на территории Боспора сказано: Евмел *πόλιν ἔδοκε κατοικεῖν*⁶. Это определение показывает, что была основана катекия клерухов, которая, впрочем, с разрешения Евмела, могла получить организацию по типу полиса, но возглавляемую либо военными полководцами Евмела, либо поставленными им особыми магистратами. О наличии на Боспоре военных поселений свидетельствует и Страбон (VII, 4,4). Боспорская надпись IV в. до н. э. о пафлагонце, умершем, сражаясь в земле майтов (IOSPE, II, 296), бесспорно свидетельствует о наличии армии наемников у Спартокидов. В этом отношении большой интерес представляет и надпись, поставленная от имени «аркадян» Левкону I (IOSPE, II, 4). Трудно согласиться с В. В. Латышевым, который в комментариях к ней полагает, что надпись принадлежит союзу аркадян, возникшему после падения спартанской гегемонии, после 371 г. до н. э. Но в таком случае мы имели бы обозначение *τὸ κοινὸν τῶν Ἀρχάδων* (IG, V, 2, стр. XXV, 8 и XXVIII, 12) или *ἔδοξεν τῆι βουλήι τῶν Ἀρχάδων καὶ τοῖς μυρίας* (IG, V, 2, № 1), вместо имеющегося в надписи *ἔδοξεν τοῖς Ἀρχάσι*. Нам кажется более вероятным,

¹ Di o d., XX, 24, 1: о захвате Евмелом, кроме Гаргазы, и других *πολίσματα*.

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч, МИА, вып. 25 (1952), стр. 143 и 148, считает установленным на основании своих многолетних раскопок, что оборонительная стена Мирмекий уже существовала в IV в. до н. э. и до II—I вв. до н. э.

³ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, стр. 166. С этим согласуется и предположение В. Ф. Г а й д у к е в и ч а о возможности начала чеканки монет в Мирмекий с конца VI в. до н. э.

⁴ Ср. P o l y a e n., VI, 9, 3, о назначении комархов Левконом.

⁵ P s.-S k y t a n., Periages., 898. Страбон (XI, 2, 4), может быть, называет именно этот город селением; ср. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, ук. соч., стр. 206.

⁶ Di o d., XX, 25; ср. у Г е р о д о т а (II, 178): Амасис *ἔδοκε Νάυκρατιν πόλιν ἐνοικήσαι*. Примечательно употребление разных по смыслу глаголов — *κατοικεῖν* у Диодора для обозначения поселения клерухов и *ἐνοικήσαι* у Геродота — для обозначения поселения, представляемого гражданскому населению греческих городов.

как уже ранее отмечалось в литературе (IG, V, 2, стр. XVIII, 94 сл.), считать это постановление решением аркадян-наемников, которые считались *ραχιώτατοι Ἑλλήνων*¹, и поэтому к привлечению их на военную службу стремились правители всех эллинистических монархий. Возможно, однако, что это постановление могло быть вынесено и аркадянами критского города «Аркадес», или «Аркадия»², который также мог поставлять наемников армии Спартокидов.

От катекий, представлявших поселения клерухов, получавших, как правило, земельные наделы, должны быть отличены крепости, основанные боспорскими царями и в качестве опорных пунктов для убежища³ или дальнейшей агрессии и для защиты от внешних врагов.

И крепости, и катекии, и города, основанные царями, возникали на «царской земле»; вероятно, и города, основанные Спартокидами, были первоначально не только торговыми и административными, но и военно-земледельческими центрами данного района.

Города, имевшие право элевтерии и автономии, имели и свои собственные военные отряды. А. И. Болтунова на основе анализа одной танаитской надписи пришла к выводу, что «в наиболее значительных центрах Боспорского царства, в городах, имевших полисную организацию и, следовательно, своих магистратов, существовал в каждом свой лохаг»⁴. Надписи, перечисляемые А. И. Болтуновой, все относятся к римскому времени; однако можно думать, что в римский период военные силы городов не могли быть созданы заново; они существовали, конечно, и раньше. Может быть, должность «стратега», не встречающаяся в списке магистратов (аристопилитов) царя, была в период Спартокидов должностью городской, а не царской. Плита с надписью *στρατηγῶν*, найденная в Керчи⁵, свидетельствует в пользу нашего предположения. Царской должностью в городах была должность политарха. Конечно, военная сила городов не могла быть большой; она представляла собой, по аналогии с другими эллинистическими государствами, главным образом полицейскую силу для внутреннего контроля как города, так и городской *γῶρα*.

Кроме Феодосии, до ее полного подчинения Боспору, и Танаиса, который до II—III вв. н. э. время от времени восстанавливал свою независимость⁶, основные боспорские города, как уже указывалось, были сторонниками центральной государственной власти. В городах, находившихся под контролем государства⁷, ведущую роль играли крупные рабовладельцы (землевладельцы, купцы, хозяева эргастерий), заинтересованные в длительном и прочном союзе с царями для совместной эксплуатации рабов и земледельцев, для расширения сферы своей торговой деятельности и охраны государственных границ военными силами боспорских правителей. Ведущая роль, которую играли землевладельческие слои боспорского общества, выражается в аристократизации верхушки

¹ S u i d., s. v. Ἀρκάδας μισοῦμενοι.

² Ср. P o l y b., IV, 53 и S t. B u z., s. v. Ἀρκάδες.

³ Ср. наличие крепостей вне пределов Боспорского государства, которые и после падения Митридата еще сохраняли ему верность; там же хранились под надежной охраной и сокровища царей (C a s s. D i o, XXXVII, 14,3).

⁴ А. И. Б о л т у н о в а, Из черновиков В. В. Латышева, ВДИ, 1951, № 2, стр. 125—126.

⁵ В. В. Л а т ы ш е в, Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 г., ИАК, вып. 3, стр. 33—34 (№ 1).

⁶ См. С. А. Ж е б е л е в, Боспорские этюды, стр. 42—43; Т. Н. К н и п о в и ч, Танаис, стр. 100—101.

⁷ Повидимому, в городах контрольные функции имел политарх, а позже в Танаисе — «посол царя»; ср. I O S P E, II, 29; Т. В. Б л а в а т с к а я, Надпись Агафа из Фанагории, ВДИ, 1948, № 4, стр. 79.

боспорских полисов, в наличии на Боспоре знатных родов. Кроме двух известных родов Археанактидов и Спартокидов, в надписях засвидетельствованы и другие роды имущественной знати, объединявшие, повидимому, не мало отдельных семей; таковы знатные роды Ахаменов (IOSPE, IV, 230), Гераклидов (IOSPE, II, 63), Эвиев (IOSPE, II, 67) и, вероятно, Килидов¹. Приблизженные магистраты, родственники и «друзья» царя, известные нам по одной поздней надписи под именем аристопилитов (IOSPE, II, 29)², представляли общевоспорскую знать, связанную тесными узами родства со многими аристократическими родами боспорских городов³; вполне возможно, что эта общевоспорская знать одновременно являлась и членами городских общин, как на это указывает, например, жречество Левкона в культе пантикапейского божества Аполлона-Врача еще до времени его царствования (IOSPE, II, 15⁴). Смешанный характер погребального инвентаря в курганах, служивших местом захоронения боспорской знати, свидетельствует, как это неоднократно отмечалось в литературе, о наличии в городах и местной боспорской знати, которая совместно с греческими рабовладельцами городов составляла господствующий класс каждого отдельного города. Развитие греко-скифского рабовладения на долгое время обеспечило поддержку рабовладельческими кругами городов внешней и внутренней политики царской власти.

Несомненно, смешение населения особенно быстро происходило в городах; судя по смешению местных и греческих имен в одних и тех же семьях, можно думать, что гражданские права предоставлялись не только грекам, но и представителям местной племенной знати, обосновавшейся в городах.

Роль и функции городов рабовладельческого общества изменялись в разные периоды их экономического развития. В период экономического расцвета рабовладельческих полисов мелкие земледельцы и ремесленники, владевшие орудиями и средствами производства в размере, достаточном для их собственного воспроизводства, составляли демократическую основу полиса. Они же представляли и основную военную силу полиса, которую Маркс рассматривал, как использование прибавочного времени мелких производителей со стороны рабовладельческой верхушки полиса на нужды войны. Эти же мелкие производители составляли и основу данной народности в полисе. В городах эллинистического периода экономическую основу их составляло не только ремесло и торговля, но и эксплуатация земледельческого населения насильственно присоединенных земель (*χώρα*). Класс свободных производителей, живущих личным трудом в ремесле и земледелии, все более разорялся; мелкий свободный земледелец не мог в этих условиях конкурировать с землевладельцем, получавшим огромные нетрудовые доходы со своих земельных владений, так же как и мелкий ремесленник не мог конкурировать с владельцем рабской мастерской, работавшей на рынок.

Особое положение городов в Боспорском государстве создалось в процессе развития противоположности города и деревни, как результат экономического господства городов над *χώρα*. На территории «хоры»

¹ См. Н. И. Новосадский, Неизданная надпись Темрюкского музея, ДАН, сер. В, 1930, стр. 224—227.

² О видной роли представителей знатных родов в Танаисе см. Т. Н. Книпович, Танаис, стр. 120.

³ Ср. С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, 1938, № 1, стр. 157.

⁴ Возможно, что награждение Теофила, сына Онесима, золотым кольцом «за угождение городу» обозначает особо почетное положение в гражданской общине людей, получивших право ношения кольца на руке (IOSPE, II, 5).

господствовала система принудительного труда, теснейшим образом связанная с рабским способом производства. Повидимому, эксплуатация населения «хоры» осуществлялась путем присвоения ренты натурой.

Переход к крупному землевладению поставил в городах у власти, наряду с представителями укрупненного рабского производства (владельцы эргастерий), и представителей крупных землевладельцев, которые также были связаны с рынком непосредственно или через купцов. Таким образом, мы можем предположить, что в этот период в экономике Боспора побеждает такая система рабовладельческого хозяйства, которая была направлена уже не только на производство прибавочного продукта, но и прибавочной стоимости, что производство на Боспоре становилось все более и более товарным.

В результате решающая роль в полисе перешла от пародного собрания, выражавшего в демократических полисах интересы мелких производителей — граждан (т. е. в основном интересы мелкой земельной собственности), к совету и магистратам города, проводившим политику в экономических интересах крупного рабовладения и землевладения и именно поэтому заинтересованным в сохранении на Боспоре единоличной власти (*ἀρχή*) правителей Боспора.

Отныне город становится защитником крупной рабовладельческой земельной собственности и ремесла. В связи с принудительным характером труда города нуждаются в охране существующей системы эксплуатации военными силами государства.

Таким образом, превращение городов в центры защиты крупной рабовладельческой собственности привело к изменению в надстройке, приспособившейся к новым нуждам рабовладельческого базиса.

Крупные рабовладельцы, интересы которых поддерживало и оберегало государство, являлись сторонниками царской власти, готовыми к применению любых форм произвола и угнетения. О том, что система эксплуатации производителей материальных благ как на сельских территориях, так и в городах была суровой и жестокой, свидетельствует восстание скифских рабов в Пантикапее под руководством Савмака¹.

Ввиду скудости источников многое нам остается еще неясным. Ряд вопросов, поставленных в этой статье, требует дальнейшего исследования. Необходимо одновременно произвести анализ сущности *ἀρχή* царей Боспора и по возможности детально рассмотреть военную организацию государства. Такой анализ не только восполнит общую картину организации политической власти на Боспоре, но и поможет выяснению основного для этой статьи вопроса о роли городов на Боспоре и взаимоотношении их с царской властью на разных этапах экономического развития Боспорского государства. Нами не был затронут также вопрос о процессе «сарматизации» Боспора, о пестроте этнически разных слоев городского населения царства. Вполне возможно, что процесс аристократизации на Боспоре был усилен притоком в правящую верхушку рабовладельцев городов и магистратов царей представителей местной племенной знати, на которую цари, несомненно, опирались в своей экономической политике. Мы часто говорим об этом и употребляем эту терминологию, однако специальное исследование этой проблемы еще не произведено.

Все же рассмотренный в настоящей статье материал позволяет, как нам кажется, высказать положение, что Боспорское государство после своего объединения представляло собой державу того же типа, что и эллини-

¹ С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, № 3(4), стр. 49—71; В. В. Струве, Восстание Савмака, ВДИ, 1950, № 3, стр. 23—40.

стические монархии. И здесь, как и в эллинистических государствах, мы наблюдаем разорение мелких свободных производителей, рост крупного рабовладения и развитие товарного производства. Экономическое господство города над деревней в период эллинизма сопровождалось выжиманием все большего количества прибавочного труда от земледельцев «хоры». В результате этого основной функцией городов становится эксплуатация *хóра*, и именно на осуществление этой основной цели и направлена политическая организация городов, как власти класса нетрудящихся рабовладельцев (крупных землевладельцев, в первую очередь), кровно заинтересованных в поддержке их благосостояния царями Боспора.

